

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-124-130

ПРОСТРАНСТВО ДЕТСТВА В ПОЭЗИИ О.СЕДАКОВОЙ*

Тропкина Н.Е., Рябцева Н.Е.

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, д. 27, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественных особенностей пространства детства в творчестве ярчайшего представителя современной русской поэзии – Ольги Седаковой. Топос детства рассматривается комплексно и системно, в единстве основных тем, мотивов и образов поэзии Седаковой, что позволяет раскрыть специфику её художественного мышления, мифопоэтическую природу её лирики. Художественная семантика пространства детства проанализирована с учётом динамики творчества поэта, в широком контексте литературной и фольклорной традиции.

Ключевые слова: художественное пространство, топос, мифопоэтика, фольклор, образ, мотив.

THE SPACE OF CHILDHOOD IN THE POETRY OF O. SEDAKOVA

N. Tropkina, N. Ryabtseva

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
27, V. Lenin pr., Volgograd, Russian Federation, 400066*

Abstract. The article is devoted to the artistic features of the space of childhood in the works of the brightest representative of the modern Russian poetry – Olga Sedakova. Topos of childhood is considered comprehensively and systematically, in the unity of the main themes, motifs and images of the poetry of Sedakova, which allows to reveal the specifics of its artistic thinking, mytho-poetic nature of its lyrics. Artistic semantics space of childhood is analysed taking into account the dynamics of the poet in the wider context of literary and folklore traditions.

Keywords: art space, topos, mythopoetic, folklore, image, motive.

Классификация пространственных моделей и образов может основываться на различных признаках, в их числе «гендерные (обнаруживаются типы пространства мужского и женского), возрастные – пространства детства, зрелости, старости; пространства особых состояний» [9, с. 163]. Пространство детства – одна из наиболее значимых составляющих антропологического пространства в литературе. Мы рассматриваем топос детства в поэзии Ольги Седаковой. Смысловым центром её художественного мира является образ ребёнка и сопутствующий ему образно-тематический комплекс, генетически связанный с феноменом

---

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 16-04-00382 «Научное наследие Д.Н. Медриша»).

© Тропкина Н.Е., Рябцева Н.Е., 2017.

детства: *возраст, рождение, жизнь, смерть, отец, мать* и др. Образ ребёнка в поэзии Седаковой тяготеет к культурно-мифологическим обобщениям. Топос детства в её стихах в определённой степени лишён геокультурной и исторической конкретики: психофизические, эмоциональные, возрастные признаки детства получают в её поэзии символическое осмысление. «Метафизическая поэзия» [6] (С.С. Аверинцев) О. Седаковой – это продолжение вечной истории о пути человека к Богу, и тоpos детства в творчестве поэта может быть осмыслен не столько в контексте социально-исторической реальности, сколько в семантической парадигме культурной традиции. В связи с этим образ ребёнка и связанный с ним мотивный комплекс семьи и дома эксплицируют у Седаковой архетипическую модель человеческого бытия, понимаемую в свете христианской аксиологии и представления о двуединой духовно-телесной природе человека. Лирический герой у Седаковой постигает осуществление своего «здесь-бытия» в «пространстве-между», на границе «горнего» и «дольнего». Ребёнок в этом смысле реализует у поэта идею души, образа Божия в человеке («знаю, что душа – младенец, / младенец до последнего часа» [7]). Топос детства воплощает образ духовной цельности личности в противовес миру взрослых с его болезненной рефлексией.

Экзистенциальная природа топоса детства в стихах Седаковой раскрывается в образной антиномии «сад-Эдем» – «сад мироздания», поэтому в её творчестве тема детства чаще всего соотносится с мифологемой сада. Инвариантным признаком топоса сада

в стихах Седаковой становится его экзистенциальная природа: сад – это пограничное пространство между метафизическим миром и отражённой земной реальностью. При этом реализуется архетипический сюжет возвращения души в райский сад – к родному дому, к Отцу, к утраченному раю. Опираясь на библейскую образность, автор выстраивает лирический сюжет духовного пути героя от «раннего детства» – блаженного сна в «золотой постели» [6] – к грехопадению и изгнанию из рая. Лирический герой Седаковой обречён на участь «блудного сына» – скитальца, страждущего в поисках утраченного Эдема. В одном из её ранних стихотворений «Неужели, Мария, только рамы скрипят...» (1973) художественная семантика топоса сада амбивалентна: «заповеданный сад» как символ вневременной гармонии и сад мироздания как пространство боли и страдания, утрат и забвения. «Неужели, Мария, только рамы скрипят, / только стёкла болят и трепещут? / Если это не сад – / разреши мне назад, / в тишину, где задуманы вещи» [6]. Граница двух топосов маркирована образом окна как онтологического рубежа [см.: 2], что является метафорой связи человеческого и Божественного, телесного и духовного. Восхождение души от тьмы к свету мыслится лирической героиней как путь искупления греха через боль и страдания.

В цикле «Старые песни» (1980-1981 гг.) тоpos сада-Эдема актуализирован в пространстве родовой памяти души о блаженной гармонии бытия, что прямо соотносится с пространством детства и порождает устойчивое обращение к образу «играющего ребёнка». Мотив игры воссоздаёт

атмосферу гармонии человеческого бытия в Вечности. В стихотворении «Играющий ребёнок» это апелляция к евангельской и к античной традиции, к изречению Гераклита: «Вечность есть играющее дитя, которое расставляет шашки: царство (над миром) принадлежит ребёнку» [5]. Лейтмотив игры воплощает идею таинственного высшего знания ребёнка о мире. Метафизическая природа этого знания подчёркивается сравнением детского предчувствия как высшего дара с «неслышимой музыкой», звучащей в «белой комнате» («Прекрасно в этой неслышимой музыке, в комнате белой» [7]). Примечательно, что топос ребёнка изолирован, непроницаем для суетного мира. Художественная функция замкнутости и непроницаемости границ мира детства оказывается семантически значимой. Детская ипостась человека, его духовная сущность закрыта от внешнего пространства обыденной суетной реальности, трансцендентна миру, о чём свидетельствует комплекс визуальных мотивов: зрения / знания – слепоты / неведения: «Мы не видим лица. Мы глядим на него, как из двери / мать поглядела – и тут же спокойно уходит: / и он играет. Белый луч на полу, / – Он ещё поиграет, / я успею доделать, что нужно» [7]. «Нераздельность – неслиянность» топосов Матери и Ребёнка отражает связь с библейской символикой. Спокойный взгляд матери и характерная символика света и цвета восходят к иконописной традиции с присущими ей принципами сотворения образа как «посредника» между миром видимым и миром невидимым, воплощающим «идею созерцаемого вечного смысла, то есть явленной духовной сущности»

[10, с. 144]. Топос детства с учётом этой параллели, как и иконописный образ, выражает трансцендентную реальность личности, постигаемую только «внутренним зрением».

Атемпоральность детского топоса маркирована образной оппозицией «время / судьба» – «игра / вечность». Вместе с тем тайное знание о сущности бытия сближает в поэзии Седаковой образы ребёнка и старухи (старика), которые в мифопоэтической модели пространства воспроизводят идею цикличности времени и целостности мира. Детский топос в поэтическом мире Седаковой как топос экзистенциальный по своей природе сосуществует на границе реального и ирреального, разомкнут для мира метафизического, поэтому мир живых и мир мёртвых не изолированы друг от друга, а сосуществуют в едином пространстве вечного («Бог же не есть Бог мёртвых, но живых, ибо у него все живы») (Мф. 22: 23, 28-32). В евангельском ключе метафоризируется у Седаковой тема памяти как связи живущих с ушедшими. В стихотворении «Горная колыбельная» единство образов живых и мёртвых порождает контаминацию топоса детства с танатологическим и онейрическим пространством: «В ореховых зарослях много пустых колыбелей. / Умершие стали детьми и хотят, чтобы с ними сидели...» [6]. Семантическое родство указанных топосов поддерживается древнейшими архаическими представлениями, зафиксированными в фольклорных источниках. Рецепция топоса детства в свете мифопоэтических категорий, переосмысленных в русле христианских традиций, у Седаковой во многом обусловлена исследовательским инте-

ресом автора к данной теме. Итогом научных разысканий Седаковой стала изданная в 2004 г. монография «Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян» [8]. Семантический мифокомплекс погребального обряда, связанный с образом «спящего ребёнка», актуализируется в поэзии Седаковой в обращении к жанру колыбельной песни, основу которой, по архаическим обрядовым представлениям, составляет метафора «смерть – сон». Возникает единое пространство памяти, пограничное между жизнью и смертью.

В стихотворении «Третья тетрадь» (цикл «Старые песни») топос памяти репрезентирован уже в посвящении к тексту – «Памяти бабушки Дарьи Семёновны Седаковой», а структурно текст представляет собой монолог умершей бабушки, обращённый к внучке. И бабушка, и внучка созерцают то, что незримо и неведомо для других: «из сада видно мелкую реку, / в реке видно каждую рыбу» [6]. Особую значимость в стихотворении обретают визуальные образы, представленные в виде семантической цепочки: «видеть – знать – помнить – верить». Это связано с мотивами слепоты / зрения. В монографии Д.Н. Медриша эти мотивы рассматриваются в контексте сюжета об ослеплении зодчих / мастеров [см.: 3]. Как отмечает в названной выше монографии Седакова, в номинальной обрядовой символике «опозиции здешнего / потустороннего, близкого / далёкого отодвинуты более актуальной для данной системы оппозицией видимого-невидимого и, соответственно, ведомого / неведомого...» [8, с. 40]. В стихотворении Седаковой мотив *вИденья* как высшего знания

маркирован образом «больных глаз», имплицитно реализуя семантику слепоты как внутреннего зрения, дарующего тайное знание, высшую мудрость: «Что же я такое сотворила, / что свеча моя горит не ясно, / мигает, как глаза больные, / бессонные тусклые очи?» [6]. Этот мотивный комплекс проецируется на антропологическое пространство возраста, но не детства, а старости как времени утраты зрения и обретения высшей мудрости, что было рассмотрено нами ранее в статье «Визуальная апперцепция пространства в русской поэзии второй половины XX в.» [см.: 4].

Мотив пути, организующий лирический сюжет стихотворения, сближает два библейских топоса – Сад-Эдем и вертеп со спящим младенцем. Таким образом автор акцентирует внимание на двух знаковых точках в христианской картине мира, которые в финале лирического сюжета воплощаются в образе «души-младенца». Визуальная метафора «видение / знание» в заключительных строках стихотворения «Третья тетрадь» актуализирует мотив веры как высшего знания: «и знаю странные вещи: / знаю, что душа – младенец, / младенец до последнего часа. / Всему, всему она верит / и спит в разбойничьем вертепе» [6].

Образ странника, скитальца относится у Седаковой к архетипу «блудного сына». Путь в данном контексте осмыслен как метафора духовных испытаний героя, поиска Вечного Дома, возвращения души в Святую обитель. В стихотворении-канцоне «Возвращение блудного сына» образ «души-младенца» трансформируется в образ «поэта-ребёнка» и интерпретируется в свете библейских, литературных и

культурных ассоциаций. Топос детства соотносится в стихотворении с патографическим пространством и мотивом слепоты, что в свою очередь является аллюзией на известный сюжет картины Рембрандта «Возвращение блудного сына». Но в отличие от полотна живописца, на котором слепой отец обнимает сына, в тексте Седаковой слепцом изображен сам блудный сын. «Поэт-ребёнок», томящийся в жару скарлатины, видит себя, как в кривом зеркале, героем сказки Гауфа «Карлик Нос». В сказке Гауфа маленький Яков смотрит в зеркало, не узнавая своего уродливого лица. Мотив слепоты / болезни и образ зеркала у Седаковой проецируются на изображение внутреннего мира блудного сына – поэта с душою ребёнка. Тернистый путь души пролегает от мнимого дома, воплощённого в образе заколдованного леса («идёт, идёт. Репей, болиголов, трёхлетняя крещенская крапива» [6]) к истинному Дому в обители Отца. Выздоровление блудного сына, его пробуждение от наваждения, от власти тьмы и греха – искажённой личности души – в финале текста прочитывается как возвращение к детско-

му состоянию обожения, к обретению утраченного Эдема: «И милует, и гладит колыбель. / И кажется, и движется купель: / – Где б ни был ты – ты был, как луч в луче, / в горячем плаче на моём плече» [6]. Это соотносится с гуманистической традицией русской поэзии, основанной на «эмоциональном сопереживании и христианском осознании необходимости и неизбежности страданий для человека и его прощения во имя любви к ближнему и самому Божественному бытию, исполненному высокой красоты» [1, с. 30].

Таким образом, топос сада как символическое воплощение детского пространства в поэзии Седаковой отражает ключевые аспекты поэтической философии автора, основу которой составляет идея вечного бытия, преосуществлённого в жизни Духа. Художественная семантика пространства детства, выявленная нами в творчестве Седаковой, может быть в дальнейшем рассмотрена в двух аспектах: другие пространственные модели в творчестве поэта, а также типы и модели пространства в современной поэзии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аношкина-Касаткина В.Н. Романтический психологизм М.Ю. Лермонтова и Ф.И. Тютчева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология». 2013. № 1. С. 24-30.
2. Жолковский А.К., Щеглова Ю.К. Место окна в поэтическом мире Пастернака // Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приёмы – Текст / предисл. М.Л. Гаспарова. М.: АО Изд. группа «Прогресс», 1996. С. 209-239.
3. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1980. 175 с.
4. Рябцева Н.Е., Тропкина Н.Е. Визуальная апперцепция пространства в русской поэзии второй половины XX века // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2014. №5 (90). С. 140-144.
5. Сборник цитат, афоризмов, выражений [Электронный ресурс]. URL: <http://zestword.ru/aforizmu/> (дата обращения: 07.11.2016).

6. Седакова О. Стихи / составление А. Великановой. Вступительная статья С. Аверинцева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/sedakova1-05.html> (дата обращения: 15.11.2016).
7. Седакова Ольга. Стихи из разных книг [Электронный ресурс]. URL: <http://modernpoetry.ru/main/olga-sedakova-stihi-iz-raznyh-knig> (дата обращения: 15.11.2016).
8. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования). М.: Индрик, 2004. 320 с.
9. Тропкина Н.Е. Типы и модели пространства в русской поэзии второй половины XX – начала XXI в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серии Педагогические науки. Филологические науки. Социально-экономические науки и искусство. 2011. № 8 (62). С. 161-165.
10. Флоренский П.А. Иконостас / авт. вступ. статей игумен. Андроник (Трубачёв) и др.; Подгот. текста и коммент. А.Г. Дунаева. М.: Искусство, 1995. 254 с.

REFERENCES

1. Anoshkina-Kasatkina V.N. Romantic psychology of M. Lermontov and Tyutchev. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2013, no. 1, pp. 24-30. (In Russ.)
2. Zholkovskii A.K., Shcheglova YU.K. Role of a window in the poetic world of Pasternak. In: *Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invarianty – Tema – Priemy – Tekst* [Works on the poetics of expressiveness: Invariants – Topic – Methods – Text] / Foreword. by M. L. Gasparov. M., АО «Progress» Publ. group, 1996, pp. 209-239. (In Russ.)
3. Medrish D.N. *Literatura i fol'klornaya traditsiya. Voprosy poetiki* [Literature and folk tradition. Poetics]. Saratov, Saratovskiy universitet Publ., 1980, 175 p. (In Russ.)
4. Ryabtseva N.E., Tropkina N.E. Visual apperception of space in the Russian poetry of the second half of the 20th century. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences]. 2014, no. 5 (90), pp. 140-144. (In Russ.)
5. *Sbornik tsitat, aforizmov, vyrazhenii [Elektronnyi resurs]*. [Collection of quotations, aphorisms, expressions [E-source]]. URL: <http://zestword.ru/aforizmy/> (request date 07.11.2016) (In Russ.)
6. Sedakova O.A. *Stikhi [Elektronnyi resurs]*. [Poems [E-source]] / Preparation by A. Velikanova. Introduction by S. Averintsev. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/sedakova1-05.html> (request date 15.11.2016) (In Russ.)
7. Sedakova O.A. *Stikhi iz raznykh knig [Elektronnyi resurs]*. [Verses from different books [E-source]]. URL: <http://modernpoetry.ru/main/olga-sedakova-stihi-iz-raznyh-knig> (request date 15.11.2016) (In Russ.)
8. Sedakova O.A. *Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan (Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura slavyan. Sovremennye issledovaniya)* [The poetics of ritual. The funeral rites of the Eastern and southern Slavs (Traditional spiritual culture of the Slavs. Modern research)]. Moscow, Indrik Publ., 2004, 320 p. (In Russ.)
9. Tropkina N.E. Types and models of space in the Russian poetry of the second half of 20th – beginning of 21st century. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serii Pedagogicheskie nauki. Filologicheskie nauki. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i iskusstvo* [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University. A series of Pedagogical Sciences. Philological Sciences. Socio-economic Sciences and Art]. 2011, no. 8 (62), pp. 161-165. (In Russ.)

10. Florenskii P.A. Ikonostas [Iconostasis] / Ed. introd. articles by Abbot. Andronik (Trubachev), etc.; Ed. text and comments. by A. G. Dunayev. Moscow, Iskusstvo, 1995, 254 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тропкина Надежда Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики её преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета;
e-mail: netropkina@mail.ru

Рябцева Наталья Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики её преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета;
e-mail: ryabtzeva.natalya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda Tropkina – doctor of Philological Sciences, Professor, department of literature and methods of teaching, Volgograd state social pedagogical University;
e-mail: netropkina@mail.ru

Natalya Ryabtseva – candidate of Philological Sciences, associate professor, department of literature and methods of teaching, Volgograd state social pedagogical University;
e-mail: ryabtzeva.natalya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Тропкина Н.Е., Рябцева Н.Е. Пространство детства в поэзии О. Седаковой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 124-130.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-124-130

CORRECT REFERENCE

N. Tropkina, N. Ryabtseva. The space of childhood in the poetry of O. Sedakova. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 124-130.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-124-130